

DOI 10.19181/nko.2021.27.3.7

УДК 323.2; 316.4

Ю. А. Голубицкий¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ПОВАР НЕ ДОЛЖЕН ВАРИТЬСЯ В СВОЁМ СУПЕ... ЧАСТЬ III: СВОБОДА КАК ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ЕЁ ЦЕНА В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА)¹

Аннотация. Статья завершает цикл публикаций автора, в котором исследуется политико-социальный феномен отечественного диссидентства на протяжении трёхвековой истории. Показано, что процессы, сродни конвергенции власти и её оппонентов, в первую очередь, из среды интеллигенции, проявились ещё во времена «оттепели» и привели к смягчению противостояния власти и диссидентов. Произошло это потому, что такого рода противостояние было вызвано не онтологической жестокостью, не психопатологией представителей власти в правоохранительных структурах, а бескомпромиссностью веками длящейся в Российской Империи и СССР жестокой классовой борьбы. Распад СССР и одновременно отказ от социализма произошёл в завершающей стадии XX в., в целом, динамично и бескровно. Большинство россиян видело в социализме с его государственным доминированием в основополагающих областях жизнедеятельности главную причину деградации советской экономики, неразвитости социальной сферы, разобщённости с остальным миром, исповедующим разнообразные формы индивидуализма. Отказ от господствующей идеологии, прописанный в Конституции новой России, активное внедрение в широкие слои населения индивидуального и корпоративного предпринимательства сделали бессмысленным традиционное диссидентство. Однако, породили его новые формы. В частности, протест как бизнес.

Благодарю по поводу отказа «навсегда» от противостояния «власть – диссиденты» оказалось явно преждевременным. Впереди нас, скорее всего, ждут горячие политические дискуссии в пространстве internet, в дозированном властью формате в традиционных СМИ, и, в основном, молодёжные протестные выступления на городских улицах. Цель этих согласованных и спонтанных акций – завладеть информационными и властными ресурсами для достижения теперь уже не общенародных, а индивидуальных и корпоративных интересов.

Ключевые слова: диссиденты, протест, internet, социализм, индивидуализм, разобщённость, идеология, институционализация, правозащитники, корпоративизм, конвергенция, бизнес.

Для цитирования: Голубицкий Ю.А. Повар не должен вариться в своём супе... : Ч. 3. Свобода как феномен российской общественной жизни, её цена в процессе трансформаций политико-социального протеста // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 3. С. 69–84. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.7

Москва 70-х, утро. По пустынной ул. Горького бредут двое немолодых людей. У входа в гостиницу «Интурист» один из них, приблизившись к уху товарища, предлагает: «Давай проколем шины» и кивает на припаркованную к бордюру

¹ Части I, II (Диссидентское наследие) см. в журнале СОТИС 4/2020, с. 7-25; 5-6/2020, с. 127–141.

тротуара “Volvo” со стокгольмскими номерами. «Зачем?», – вопрошает товарищ. Он удивлён и испуган. «Хочется вдохнуть воздух свободы», – мечтательно поясняет прекраснородушный и оттого неопасный власти бунтарь².

Вот оно, главное слово отечественных диссидентов, их лозунг, клич, идеология, пароль: *это сладкое слово* – Свобода!

Особенностью русского (российского) понимания понятия «свобода», до сих пор является, скорее, её восприятие как ментального, врождённого *ощущения*, нежели осознанного социально-психологического феномена, при наличии которого в обществе только и возможно возникновение и успешное функционирование сложных, но естественных социальных связей, укрепление построенной на социальном договоре системы ограничений и самоограничений. По-нашенски, по-русски свобода – это состояние души, а не набор параграфов, пресловутых «крючков», которые в массовом сознании не столько уточняют, как затемняют и, в конце концов, казуистически выхолащивают сам предмет. И, конечно же, свобода по-русски – это, в последнюю очередь, комплекс ограничений, не говоря о самоограничениях!

Если согласиться с Ф. Тютчевым (1803–1873), что «умом Россию не понять», то следует признать, что и порождённую российским обществом для внутреннего пользования свободу-несвободу пытаться понять умом – занятие зряшное. Прежде всего, по причине неразвитости у русского (российского) варианта свободы утилитарной компоненты.

В деликатной теме: «свобода как политико-социальный феномен российской общественной жизни» вопросов всегда было больше, чем разумных ответов. Что ж говорить о *сейчас*, когда к всё никак не завершающемуся переходу от советского и антисоветского к какому-то внятному постсоветскому мироустройству присовокупилось вызванное пандемией «Covid-19» непонимание даже ближних перспектив?..

Так какая нужна нам свобода?

Свобода от кого и от чего? Для кого и зачем, с какой целью? Кто призван сделать её достоянием всего общества? Как разумно ограничить эту тревожащую социальную почти что неизведанность, чтобы не переусердствовать и не разбудить пресловутое *лихо*. Ведь чем взял хитрец Стенька Разин? Тем, что заявил соотечественникам: «Я пришёл дать вам волю!»³.

Если нужны ограничения в распространении свободы, кому их поручить исполнять? Кто ляжет костьми, чтобы удерживать страну пусть и в отжившей архаике политико-социальных отношений и связей, но зато в относительном социальном мире и согласии, даром что на фоне недовольного ропота обездоленных масс?

По крайней мере на один вопрос наш гипотетический реципиент с ответом, скорее всего, не премедлит; о тех, кто ляжет костьми.

² Один из самых популярных анекдотов у диссидентов из среды советских интеллигентов.

³ Сколь близки эти понятия: Свобода и Воля? Временами в Русском Мíру они сближались по семантике почти до синонимичности, но синонимами не стали. Лингвист Н. Арутюнова (1923–2018) высказала мнение, которое разделяет автор статьи: «Воля – категория мира природы и естественного человека (*homo naturalis*), свобода – категория цивилизованного, институционального общества и разумного человека (*homo sapiens*). Если воля стремится переступить все границы, в том числе этические заповеди, то свобода как состояние социума ограничена правилом и законом. Если воля имеет ближнюю цель – удовлетворение непосредственных, преимущественно физических потребностей, то свобода ставит перед собой дальние – социальные, экономические, научные и творческие задачи. Воля нужна природному человеку, свобода – личности» [1, с. 93].

Ответ будет предельно лапидарным и, как свойственно многим нашим соотечественникам, предпочитаям общее конкретному, расплывчато-неопределённым: *они!*.. То есть: бояре, опричники, жандармы канцелярии тайного сыска, «ваши благородия» и сменившие их после февральской и октябрьской 1917-го года революций «товарищи комиссары», партийные и советские аппаратчики, чекисты, КэГэБэшники, ФэСБэшники, возникшие в смуту 90-х горбачёвские либералы-перестройщики, лжепатриоты, демагогически использующие патристическую лексику для сокрытия личного обогащения, и иные, порождённые властью и аффилированные с ней структуры и персоналии.

В 1-й и 2-й частях статьи мы осознанно сосредоточили внимание на собственно диссидентах; стороне, оппонирующей власти и время от времени решающейся противоборствовать ей вплоть до массовых протестных акций. В нынешней части воздадим должное и самоё власти.

Российское/советское диссидентство – явление маргинальное, атавистическое, досадно задержавшееся в структуре общественных отношений. Генезис его погружён в глубь времён и впервые проявился в попытках передовой части просвещённого дворянства противодействовать крепостничеству как национальной форме рабства. Попытках, как явствует история, проигнорированных теми самыми «рабами», ради которых старались и Радищев, и Чаадаев, и «коллективный диссидент» – декабристы.

Что же это за рабство такое, при котором от реальной и мнимой деспотии крепостных помещиков за несколько веков погибло меньше крестьян, чем было вырезано 24 августа 1572 г. за одну только Варфоломеевскую ночь гугенотов католиками в той самой Франции, которую нам ставят в пример как страну-образчик демократических свобод?

Взаимоотношения помещика со своими крепостными зачастую носили в России мирный патриархально-семейный характер, ибо барин редко сам занимался хозяйственной, конфликтной по определению, деятельностью, перепоручая её старостам, рекомендованным... крепостными. Это не способствовало развитию экономики страны, её сельского хозяйства, но обеспечивало более ни менее устойчивый мир в межклассовых отношениях. Относительно мирное и в ряде случаев продуктивное сотрудничество крепостных крестьян и их хозяев ни в коей мере не является гносеологической закономерностью крепостничества как такового. Скорее всего, такого рода смягчённость нравов стала проявлением особенностей национального генотипа и характера, а также следствием пребывания антагонистских в миру классов в единой Православной Церкви, гуманной и терпимой.

Массовая православная религиозность русичей, которая, в отличие от западных стран с победившим в них формальным католическим и протестантским *ритуалом*, заменившим *веру*, из поколения в поколение лелеет души наших соотечественников, оберегла их от ереси признания за диссидентами статуса праведников, просиявших в земле русской, а за диссидентством в целом – национально-освободительного движения.

Так почему же русский крестьянин-крепостной не спешил признать духовным наставником и водителем молодого барина, который « <...> из Германии туманной // Привёз учёности плоды: // Вольнолюбивые мечты» (А. Пушкин)?

Оттого, что предложенный ему доморощенными вернерами да робин гудами набор идей был заёмным, из чужой жизни, а не завещанный предками. Эка невидаль, выступить супротив власти, к чему призывали набравшиеся ереси в европейских университетах барчуки! Другому учит христианская мудрость: «Всякая

душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1, 2).

Важно отметить, что крепостное право в России являлось опосредованным. Не крестьяне закреплялась за помещиками, а земля, в том числе и крестьянские наделы, что, конечно же, делало положение последних предельно шатким; куда землепашцу в случае барского гнева без земли-кормилицы? И всё же, положение русского крепостного разительно отличалось от, скажем, североамериканского раба-негра, привезённого, вопреки его воли, из Африки и проданного, как продают скот, на невольничьем рынке хозяину-колонисту.

Нельзя обойти вниманием появление в русской дворянской среде *новых*, в основном, молодых людей, и их вклад в социальный прогресс Отечества. Как повелось в литературоцентричной культуре России, первыми разглядели и описали эту генерацию наши национальные гении от изящной словесности. Оказавшийся в волжской провинции по делам дядюшкиного наследства, пушкинский Евгений Онегин как бы мимоходом: «Ярем он барщины старинной // Оброком легким заменил; // И раб судьбу благословил». Тут важно, что перемены, проведённые молодым бариним, говоря современным языком, в сфере налогообложения крепостных, пришлись последним по нраву.

Несмотря на «любовную лихорадку», не остался безучастным к «перестроечным тенденциям» в период правления государя-реформатора Александра II граф Алексей Вронский, один из главных персонажей романа Л. Толстого (1828–1910) «Анна Каренина». Ставший вместе с А. Карениной добровольным изгнанником в семейном поместье, А. Вронский находит время и силы заняться делами хозяйственными, и на этой почве проводит ряд весьма успешных экономических реформ на пользу крепостным.

А вот пример иного свойства, когда экономическая инициатива влечёт за собой не общественное улучшение, а сугубо личное обогащение. А. Чехов (1860–1904) в пьесе «Вишнёвый сад», ставшей своеобразным реквием русскому помещику дворянству, изобразил типаж нарождающегося капиталиста из среды крепостных. Это некий Ермолай Лопахин, который ради наживы пускает под топоры старинный вишнёвый сад патриархальной дворянской усадьбы, возле которого родился и вырос в одной из близлежащих деревенок.

Запомним этот пример. Тем, что прогрессисты Онегин и Вронский, будучи потомственными дворянами, на деле радуют интересам своих крепостных, а выходец из народной среды Лопахин, в творимых переменах преследует сугубо личную выгоду.

Теперь, в начале века XXI, во многом преодолев классовое мышление и наконец-то признав за согражданами право на самостоятельную точку зрения, а том числе и в отношении отечественной истории, мы можем (должны!) без предубеждений оценить «дела минувших лет» и тех, кто творил их своими усилиями. И окажется, что российское «крепостничество» – это не символ мракобесия, а синоним «феодализма»; даже самым рьяным доморожденным «западникам» не отыскать в исторической ретроспективе феодальной т.н. «цивилизованной Европы» пространства, свободного от крепостного уклада. Все прошли через него. Возможно, Российская Империя с меньшими, по сравнению с соседями по Европе, морально-нравственными потерями.

И всё же века крепостничества сформировали в России огромный слой рабов. В первую очередь, по самоощущению, по мировоззрению, по свойствам характера и жизненным, семейным, трудовым практикам.

На смену *субсидиарности*, при которой власть исполняет вспомогательную роль в отношении низовой структуры социального устройства крестьянской общины, пришла *субординативность*, предполагающая подчиняющую практику власти в отношениях с крестьянскими массами. Партнёрство заменил *патернализм*, где за сомнительную в плане реализации заботу о сырых, те были вынуждены согласиться делегировать власть предрержащим право управлять ими по своему усмотрению.

Историк, национально ориентированный публицист, идеолог славянофильства К. Аксаков (1791-1859) взвешенно и с глубоким переживанием так определил постигшую его народ судьбу: «Образовалось иго государства над землею, и русская земля стала как бы завоёванной... Русский монарх получил значение деспота, а народ – значение раба-невольника в своей земле» [2].

Свободный от русского и, тем более, советского патриотизма и симпатий к русской державности, латентный диссидент Б. Окуджава оценивает последствия русского крепостничества для основополагающего этноса страны вовсе не деликатно, как болеющий душой и разумом за Отечество К. Аксаков, а зло и хамовато, что характерно для либерала-космополита.

«В нас – кровь, испорченная страхом, ленью, апатией, невежеством, чёрт знает чем; оттого мы все безгласны и недобры друг к другу» [3, с .297], – смакует, как ему представляется, несовершенства горемык-русичей популярный в Советском Союзе среди профессионально несогласных литератор и бард.

Мы ещё вернёмся к его роману, чтобы соединить в цепочку диссидентский анекдот, с которого начинается статья, русофобское содержание псевдоисторических диссидентских текстов и ...анаэробное дыхание, объясняющее в метафорическом виде вытеснение «воздуха свободы» (кислорода) смертельно вредными для физиологических и социальных организмов элементами.

Свобода, как всё в социальном мире, имеет цену, зависимую от конъюнктуры спроса и предложения. Так было и в СССР, даром что советская власть пыталась изжить запретами и пропагандистскими усилиями рыночные механизмы, как чуждые малограмотному советскому истеблишменту.

25 августа 1968 г. у Лобного места Красной площади Москвы состоялась сидячая демонстрация против ввода войск стран Варшавского Договора в Чехословакию, т.н. «демонстрация семерых». Политические камикадзе лозунгом своего изначально обречённого общественного демарша выбрали: «За вашу и нашу свободу!». Объектом, который семёрка отчаянных на сей раз взяла под защиту, было движение либеральных общественно-политических реформ, получившее название «Пражская весна».

Длилась демонстрация эта считанные минуты, но трагически искорёжила судьбы её участников; жёсткое задержание, арест, следствие, суд. Для одних после суда – годы, проведённые в психушке, для других – тюрьма, ссылка, вынужденная эмиграция после освобождения, смерть на чужбине, как это произошло в Париже с 35-летним русским поэтом В. Делоне (1947–1983). Сердце не выдержало...

Случается, цена свободы становится неподъёмной для большинства из нас. Но даже в подобных обстоятельствах всё же найдётся меньшинство из меньшинства, готовых заплатить всем, что у них есть.

Коль у свободы в процессе торга на рынке товарно-обменных отношений возникает цена, коль регулируется она предложением-спросом, коль множатся теории и практики достижения главной цели по версии совокупного Запада:

освобождения личности, даже если личность эта и не считает себя закабалённой, коль сам процесс этот становится глобальным, естественно ожидать появления, утверждения и развития Экономики Свободы.

Не *свободной экономики*, которая является одной из разновидностей экономики традиционной, где свобода лишь качественное и ситуационное определение частного случая, а Экономики Свободы как отдельного направления социально-экономической мысли, принципы которой в разные времена развития общества пытались определить и сформулировать Платон (428 г. до н.э. – 348 г. до н.э.), Т. Мор (1529–1532), Т. Кампанелла (1568–1639), Б. Беккер (1634–1698), П. Кропоткин (1842–1921), Г. Плеханов (1856–1918), левые социал-демократы (меньшевики) во главе с Ю. Мартовым (1873–1923), а ближе к нашим временам – «новые левые»: европейские социал-демократы и «еврокоммунисты», китайские неотроцкисты, отечественные марксисты позднего СССР и начала перестройки и др.

Выше мы упомянули понятие «идеологема». Идеологема – отнюдь не полноценная идеология, скорее – учебный курс подготовительного класса для молодых, активных и настойчивых общественных деятелей, стремящихся в политику, для виртуальной команды-дублёра солидного политического клуба.

В СССР общепризнанной командой «дублёров» был ВЛКСМ. Точнее, корпус комсомольских функционеров. В разные годы этот «резерв партии» доходил до нескольких сотен тысяч человек, обладающих чёткими карьерными установками и знающими способы их достижения. Короче – *карьеристами*. На словах они считали себя наследниками «пламенных комсомольцев», присягали их именами непоколебимой верности коммунистическим идеалам, но время, идеологическая конвергенция (по А. Сахарову), расширяющиеся прорехи в «железном занавесе» между СССР и окружавшем его капиталистическим миром брали своё. Всё в большей мере племя это привлекало *потребление* как жизненный принцип и бытовое поведение.

Вот к чему приводит на первый взгляд почти не различимая подмена понятий: идеи на идеологему.

Но и с диссидентами комсомольским активистам было не по пути. Они поставили на тот высший сегмент советского социализма, который обеспечивал им пусть и скромную по сравнению с западными капиталистическими странами, но устойчивую потребительскую корзину, и резких изменений социального устройства общества не желали. Они больше не торили новых путей, а старались следовать курсом уже проложенных магистралей, осознанно выбирая на их периферии те малоприметные тропинки, которые приводили самых настойчивым и последовательных в максимально доступные в социалистическом СССР лакуны житейского обустройства и благополучия. «Если выпало в Империи родиться, // Лучше жить в глухой провинции, у моря» (И. Бродский).

Одним словом – *приспособленцы*.

Предполагали бы руководители советского агитпропа во что им, стране нашей станет высокомерное пренебрежение ко всякого рода «обывательским запросам», возможно, уделили бы больше внимания насущным проблемам населения в целом, а не только интересам *своих* – управленцев разных уровней. Но – не предполагали, не предчувствовали. И продолжали считать главной опасностью для Советского Союза силовую компоненту враждебного нам окружения, а не усталость большинства своих граждан от хронических дефицитов и махровой коррупции в системе распределения благ.

Диссидентов мало интересовали экономические проблемы основного народонаселения страны. Правозащитная деятельность, которой они традиционно занимались, предполагала в советской реальности сугубо гуманитарные аспекты. Прежде всего, отстаивание права личности на всё ту же свободу.

А большинству советских людей, не связанных непосредственно с художественным творчеством, свободы, в том числе личной, вполне хватало. Их претензии к власти носили, повторимся, в основном экономический характер. Собственно, и претензии, как таковые, с каждым годом высказывались всё реже и реже. Какой смысл? Даже если тебя и услышат, то толку что? Лучше надеяться на себя и своё ближнее окружение; так оно надежнее.

Вот ещё образчик «устного народного творчества» в жанре... «диссидентской реплики»: «Народ и партия едины, но ходят в разные магазины» ...

А в это время семь прекраснодушных граждан, осознавая трагические для себя последствия, выходят на Красную площадь протестовать против ввода в ЧССР войск Варшавского договора.

Придёт время, и в декабре 1979 г. кто-то из их идейных соратников и последователей выйдет протестовать против ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан, и последствия этого демарша будут для благородных протестантов столь же трагичными.

«Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа» [4, с. 261]. Так-то оно так, но... «Безумству храбрых // Поём мы Славу...» (М. Горький).

«Мы живем, под собою не чуя страны...». Эта строфа из написанного в 1933 г. О. Мандельштамом (1891-1938) стихотворения-эпиграммы «Горец», явилась на годы и годы горьким определением-приговором российской, советской интеллигенции, по крайней мере, существенной её части. Приговором той группе агрессивно недовольных укладом национальной народной жизни граждан с одной стороны, с другой – антагонистов всякой власти в её стремлении организовать и контролировать жизнь нации и страны. Страна, в которой родились и выросли эти онтологически детерминированные диссиденты, её народ заботили их мало; свою судьбу они не связывали с этими почти что абстрактными для них понятиями. Достижение максимально возможной личной свободы бытования для гедонистического его наполнения и ничем не ограниченного самовыражения неизменно оставалось их главной задачей.

«Допущения об интеллигенции как элите и о спуске образца как механизме «безболезненного» развития общества приходится отнести сегодня к разряду собственных иллюзий (разумеется, иллюзии тоже входят в структуру действия и понимания, социальных сдвигов без них не бывает, но это уже другой, особый разговор). Социальные процессы и культурные трансформации оказались более затяжными, тяжелыми, неоднозначными и по ходу, и по следствиям (разложение и распад – разновидности социальных процессов со своей структурой, динамикой и т. д.)» [5, с. 8].

Советская интеллигенция-элита⁴ в целом не оправдала тех надежд, которые традиционно возлагают на эту социальную страту широкие слои населения. Так же, как не на должной морально-нравственной высоте оказались элиты Российской Империи, особенно в пред- и революционные годы конца XIX – начала XX веков.

⁴ Нынешний лидер российских коммунистов Г. Зюганов фактологически точно и не без справедливой издёвки как-то заметил, что в Советском Союзе термин «элита» использовался, в основном, ... в сельском хозяйстве: элитный скот, элитное зерно... Тем самым, он фактически отказал советской интеллигенции, претендующий на роль элиты общества, в этом высоком предназначении.

«Наша интеллигенция – это подлое племя, совершенно потерявшее чутьё живой жизни и изолгавшееся насчёт совершенно неведомого ему народа», – вынес суровый приговор русской интеллигенции И. Бунин (1870-1953) в дневниках 1916-1918 гг. [6]. Столь негативному отношению первого Нобелевского лауреата из России в области изящной словесности и поддержавших его деятелей культуры к отечественной интеллигенции, да во многом и к самому русскому народу, есть множество причин, но их исследование – за рамками данной статьи.

Скорее всего, для более точного описания политико-социальной ситуации периода финальной части правления советской власти, для обозначения тех групп населения, что подготовили, поддержали и контролировали процесс очередной «смены вех», (*контрреволюции*, – как определили её сторонники большевистского Октября) подошло бы определение «истеблишмент», нежели полумифическая страта элитариев. Советский истеблишмент (значительная и значимая часть которого – «комсомольский резерв» – представлена выше), вполне созрел для того, чтобы к 90-м гг. сменить «геронтологическое» руководство Советского Союза.

Период этот сейчас принято называть «застоем». Внешне советское государство и общество как бы застыли в ожидании чаемых большинством населения перемен, в накоплении сил и ресурсов для их свершения и последующего удержания результатов. При этом продолжалось развитие экономики СССР⁵. В 1980 г. Советский Союз занимал первое место в Европе и второе место в мире по объёмам производства промышленности и сельского хозяйства. Если в 1960 г. объём промышленной продукции СССР по сравнению с США составлял 55%, то через 20 лет, в 1980 – уже более 80%.

СССР входил в число 5-ти стран мира, способных самостоятельно производить все значимые виды промышленной продукции, существовавшие на тот момент. СССР находился на первом месте в мире по производству почти всех видов продукции базовых отраслей промышленности: нефти, стали, чугуна, металлорежущих станков, тепловозов, электровозов, тракторов, сборных железобетонных конструкций, железной руды, кокса, холодильников, шерстяных тканей, кожаной обуви, сливочного масла, добыче природного газа, производству минеральных удобрений, пиломатериалов, реакторного урана (50% мирового производства), железнодорожному грузо- и пассажирообороту, производству многих видов военной техники, валовому сбору картофеля, сахарной свёклы; на втором месте в мире по улову рыбы и других морепродуктов, поголовью овец, поголовью свиней, производству электроэнергии, добыче золота, производству цемента, добыче угля, общей длине железных дорог, автомобильному грузообороту, воздушному грузо- и пассажирообороту.

Население Советского Союза в те годы увеличилось на 42 млн чел. При этом квартплата в среднем не превышала 3% семейного дохода. Наблюдались успехи в других областях, например, в тракторостроении: Советский Союз экспортировал тракторы в 40 стран мира, главным образом социалистические и развивающиеся.

Для оценки эффективности сельскохозяйственного производства необходимо учитывать климатические условия. Тем не менее в РСФСР валовой сбор зерна (в весе после доработки) был в полтора–два раза выше, чем после горбачёвской перестройки; схожие пропорции просматриваются и в поголовье основных видов скота.

⁵ Народное хозяйство СССР: статистический ежегодник. Выпуски 1980-1990 годов. М.: Финансы и статистика.

Провалом для общей картины развития страны следует признать 26-е место по индексу развития человеческого потенциала (HDI=0,920), которое СССР занимал в 1990 г. При этом среди стран Европы более низкие показатели имели только Португалия, а также союзники СССР: Болгария, Польша, Венгрия и Румыния, Югославия и Албания [7, с. 111].

Но то – Европа... Для большинства советских людей, и не только т.н. «простых», индекс развития человеческого потенциала сам по себе был (да и в значительной мере остаётся поныне) диковинкой. Официальная советская пропаганда заявляла (и данные статистики это подтверждали), что период с 1964 по 1987 г. знаменовался ростом благосостояния населения Советского Союза. Более-менее сложилась структура советского общества потребления. Пожалуй, в это время «советская триада благополучия» (квартира, машина и дача) действительно была в целом наиболее доступна для советского человека.

Для стратегически интересующего нас состояния диссидентского движения, период застоя, в особенности его завершающий отрезок времени, в целом характеризовался ослаблением протестных акций. При этом парадоксальность ситуации временами просто зашкаливала.

На один из таких парадоксов указывают исследователи И. Гарькин и Л. Королёва, утверждая, что «Решительный удар по диссидентскому движению был нанесён при Ю.В. Андропове, одном из самых загадочных лидеров советского государства, пришедшем к власти в 1982 г. Коммунист, преданный до фанатизма Системе, но понимавший необходимость её реформирования, он предпринял целый комплекс мер по наведению элементарного порядка в стране. Практически завершив ликвидацию оппозиции в стране, он, тем не менее, снижал известность либерала и интеллектуала» [8].

Либерал интеллектуального склада, ликвидировавший оппозицию – парадокс, иначе не скажешь. Тут либо одно, либо – другое. Как справедливо считал А. Пушкин: «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Однако ситуационный парадокс почти всегда является следствием неполноты информации.

Советолог И. Земцов называл Андропова «мастером манипулировать страхом, не прибегая к насилию» [9, с. 26] (курсив мой – Ю.Г.). Если признать правомерной такую точку зрения, то, мягко говоря, неточным окажется определение «ликвидация оппозиции». Какая же ликвидация без насилия! Скорее – «сдерживание» или – «надзор» ... Ну, а контроль-надзор над общественными процессами – это был краеугольный камень политики партии и советского правительства. Контролировали всё и всех и диссиденты (кстати, довольно длительное время находившиеся под надзором всё того же Ю. Андропова как председателя КГБ СССР), к периоду, когда главный чекист страны возглавил её руководство, оказались в общем ряду.

Ослабление протестных акций в СССР к финалу «застоя» произошло не за счёт усиления репрессий со стороны власти, а вследствие возникшего в диссидентских кругах понимания большей перспективности для правозащитного движения люфт-паузы. Какой смысл тратить силы на противостояние с теми, кто не в состоянии понять тебя, позволить твоим идеям пусть и приглушенно, под сурдинку, но звучать в отечественном «оркестре идей» (Ф. Достоевский)? Лучше, *рациональней* и для пользы дела, и для своей собственной сохранности дожидаться естественного ухода с политической арены генерации твердолобых, неуступчивых стариков-партократов.

И страна с существенной стратой образованных, пытливых, свободно и креативно мыслящих граждан согласилась ждать, ибо в вопросах необходимо-

сти реформ, необходимости обновления, а в ряде случаев и решительной смены укладов, идей и стереотипов советское общество впервые за многие десятилетия оказалось более ни менее консолидировано и едино.

Был и другой повод умерить протестный пыл. Для его определения позволим себе использовать терминологический окказионализм: *гипербарический интердикт* (чрезмерный запрет).

Длительное пребывание в такого рода пространстве запрета порождало у наиболее чувствительных к политической клаустрофобии граждан замену аэробного дыхания на анаэробное, которое, как известно, не использует кислород и значительно менее эффективно по сравнению с аэробным вырабатывает молекулу АТФ (аденозинтрифосфат). Именно его часто называют «валютой» органической клетки. Чем лечится анаэробное дыхание? В первую очередь, *гипербарической оксигенацией*, т.е. насыщением организма кислородом.

Продолжение метоменической цепочки вернёт нас к зачину статьи, к политическому анекдоту о *воздухе свободы*, без которого невозможно благородное аэробное дыхание. (Надеемся, среди наших читателей не найдётся таких, кто не поймёт, что в этом фрагменте текста статьи речь идёт не напрямую о биологических процессах органической клетки, а о *синекдохе*, т.е. переносе значения на другой объект). Синекдоха, как известно, предтеча *метафоры*, каковым термином мы имеем все основания определить эфемерное понятие «воздух свободы».

Ну, вот, и вернулись, как обещали, к политическому диссидентскому анекдоту, но уже на ином познавательном уровне...

В ментальные упражнения, в лингвистическую эквилибристику, в метафоризацию реальности, начинённую аллюзиями, подтекстами, иносказаниями и т.п., всё в большей мере превращался диссидентский анализ позднесоветской жизни, притаившийся в художественных произведениях авторов-диссидентов. В этот период, впоследствии названный «брежневским застоём», политическое несогласие окончательно переместилось в литературу и иные формы художественного творчества, в которых были созданы воистину шедевры инакомыслия. Кондовой закостенелой цензуре зачастую никак не удавалось их выявить и запретить.

И снова обещанный нами возврат к уже представленному выше роману Окуджавы «Путешествие дилетантов». Роман по формальным признакам является историческим, ибо в нём отражены некоторые персоналии и события, происходившие в Российской Империи в период 1845-1855 гг., но по сути – это антиисторический авторский набросок приговора великой стране, которая в лице её высших сановников и даже императора Николая I якобы гнобит свободу, в частности, всячески препятствует любви пожилого, потерявшего жизненный кураж князя Мятлева и юной Лавинии, решившихся, в конце концов, бежать на Кавказ. Образованный читатель найдёт в сюжете «Путешествия...» аналогии со скандально шумевшим после публикации в 1955 г. романом В. Набокова (1899-1977) «Лолита» и в канве самого побега, и в сексопатологии обоих критически для многовековой брачной традиции разновозрастных пар.

Сексопатология и привлекла внимание специфического читателя, заставила его обрушить гнев на «душителей свободы», будь они сановниками Российской Империи или добропорядочными американскими обывателями. На наш взгляд, именно в текстах этих романов содержится частицы генезиса нынешней «политкорректности», принятия, оправдания и готовности потакать ЛГБТ- сообществу. В плюс это или в минус Набокову и Окуджаве?.. Каждому решать за себя...

Не лишним будет указать на стилистический приём нагнетания напряжения в весьма уныло протекающем сюжете романа. Начинается как цитата из бытовой прямой речи, в которой говорящий то и дело «проглатывает» слова, предложения и целые периоды, стараясь компенсировать утери обертонами голоса и жестами.

Пример 1: «... да, да из Невки... Молодая особа благородного вида... да, да, длинные волосы, да, да стройна и весьма...»;

Пример 2: «С супругой... невероятных... предприимчив ... государя» [3, с. 86, 145].

Приём этот: пропуск слов, предложений и повествовательных периодов периодически превращает фрагмент текста в:

- ребус, разгадать который недоступно большинству читателей;
- способ искусственно и художественно неоправданно фрагментировать сюжет за счёт внедрения в него намёков на случайные, не развившиеся впоследствии линии;
- возможность приправить постное повествование невольными подглядами в Зазеркалье опостылевшей российской действительности, из которого – так и жди! – тебе ернически подмигнёт, сооротив мерзкую рожу, какой-нибудь инфернальный персонаж.

Как в таком тотальном подавлении личности сохранить Любовь пребывающему в утомительной праздности, пережившему лучшие свои времена хозяину критически одряхлевшего бревенчатого замка в запущенном саду с нелепыми копиями античных скульптур на заросших аллеях и, по сути, ещё на начавшей полноценно жить юной романтической особе? Как вариант: бежать из столицы, куда подскажут кавказские доброхоты... Побежали, а вдогонку им отсалютовал стоном рассыпавшихся брёвен и досок похожий на декорацию вагнеровского «Лоэнгрин» замок...

Объективности ради, отметим, что определение «Путешествия дилетантов» как романа «...разоблачающего безнравственность русской истории» – «заслуга» определённого свойства критиков и литературоведов. Сам Окуджава решился на подобную сентенцию лишь однажды в коротком авторском резюме периферийного эпизода (см. выше соответствующую цитату).

Художественная критика, литературоведение и искусствоведение, подержанные соответствующей пропагандой, сплошь и рядом «отодвигают» авторов «застойного периода» от их произведений, чтобы «править бал» в идейно-политической трактовке выбранных для анализа артефактов.

Социальный антрополог М. Ахметова находит в популярном советском кукольном мультфильме⁶ аллюзии на эпизод (ни много, ни мало!) из Евангелия об искушениях Иисуса Христа! В чрезмерно вольной, на наш взгляд, трактовке этим исследователем незамысловатого детского анимационного опуса, искушения кота, собаки и лошади силой/властью, сытостью и полётом соответствуют трём искушениям Христа. Кота искушают властью, поскольку это связано с образом кошки как свободолюбивого и гордого животного, примеры чего можно найти в сказке Р. Киплинга «Кошка, которая гуляла сама по себе» (1902) и в пьесе М. Метерлинка «Синяя птица» (1908). Собаку искушают пищей, что сопоставимо с садом тучных земных Блаженств в той же «Синей птице». Лошадь искушают полётом, что является аллюзией на Пегаса. Кроме того, в филь-

⁶ «Большой секрет для маленькой компании»: сценарий Ю. Мориц, реж. Ю. Калишер, композитор С. Никитин. ТО «Экран», 1979, длит. – 16 мин.

ме, как утверждает Ахметова, отражены мифологические бинарные оппозиции «верх–низ» и «свет–тьма» [10, с. 201–213].

Кто-то из «прогрессистов» воскликнет: «Круто, вот где смелость аналогий и аллюзий!». Нам же, столкнувшимся с наивным провинциальным желанием удивить нас псевдо-учённостью и всё той же сомнительной крутостью, остаётся посетовать на «времена и нравы», в которые возможно столь бесцеремонно обходиться с религиозными святынями русского народа...

Так почему распался и навсегда исчез в «чёрной дыре» небытия Советский Союз?

Смеем утверждать, что подавляющее большинство населения СССР жаждало перемен. Неопределённое завтра в обновлённой стране представлялось им более заманчивым и перспективным, нежели продолжение предсказуемого движения по обветшавшей колее.

Мало кто продолжал верить в мифологему о «великой дружбе народов СССР». После смерти И. Сталина со стороны не только местных властей, но и т.н. Центра, фактически прекратилось противоборство национализму в союзных республиках. Считалось, что «национализм окраин» – это всего лишь буржуазный (для европейских республик), феодальный (для республик Средней Азии) пережиток, который сам по себе исчезнет, не выдержав напора ширящегося «пролетарского интернационализма». В реальности мы получили совсем иную трансформацию национализма – в русофобию.

Всячески выказывая «понаехавшим» из России враждебное отношение, «братья» в союзных республиках не спешили отказываться от безвозмездных поставок из исторической родины не любезных им мигрантов энергоносителей, промышленного сырья, лесоматериалов, продукции машиностроения, сельского хозяйства и др. По подсчётам авторитетных экономистов, все союзные республики СССР, за исключением «сборочного цеха страны» – Белорусской ССР, к концу XX в. являлись дотационными из союзного бюджета, т.е. вносили во всеобщую казну меньше средств, чем потребляли из неё.

Вот почему, предвидя скорую антисоциалистическую контрреволюцию и желая в ходе её освободиться от неблагодарных нахлебников, роспуск СССР косвенно инициировали российские власти, которых поддержал народ. Желание это было столь сильным, понимание его необходимости непоколебимым, что Россия сразу же согласилась с самым невыгодным и обременительным новыми обязательствами (в частности, по выплате долгов СССР) для себя вариантом развода.

Даже либерал А. Собчак, которого никак не заподозришь в симпатиях к России и её народу, высказался в пользу принципа, по которому при разводе составляющих СССР республик, каждая республика уходит «в свободное плавание» с той территорией, с которой вступала в СССР, возвращая щедрые территориальные подарки. К сожалению, этот вариант не был реализован, и теперь новая Россия в жестком противостоянии с националистами-русофобами на Украине, в республиках Балтии и Средней Азии пожинает горькие плоды преступно безответственного отношению к завоеваниям и мирным географическим обретениям своих славных предков.

При этом большинство советских граждан не держало, а теперь и подавно не держит зла на хронически (оказалось – смертельно) больную страну. «Нет, не было тогда, как многие считают, повального рабского страха – но не было и всеобщего бездумного энтузиазма. Родители наши трезво понимали, что Ста-

лин – злодей, сгубивший множество невинных людей... Ну и что теперь – ложиться и помирать? Нет, лучше работать и жить, и получать все возможные удовольствия... Стойкости, оптимизму, умению работать везде и всегда мы обязаны, конечно, нашим родителям. Сказать про них, что то было поколение запуганное, раболепное, бездеятельное может только полный дурак – ему, значит, досталось от родителей лишь слабоумие...» [11, с. 37–38].

От себя добавим, что подавляющему большинству «Рождённых в СССР», как и подобает а *publica persona*, были чужды уныние, резиньяция, эскапизм в отношении обязательств перед государством и обществом, и прочие, разрушающие личность, уловки и фобии. Прививкой от них становились вдумчивая, прилежная учёба в юношеские и молодые годы, далеко не всегда должным образом организованный и достойно оплачиваемый труд в годы зрелые, военная служба, в народном сознании, действительно, считавшаяся «священной обязанностью, семья как объект постоянной заботы и душевной отрады, бесконечно дорогие родители, супруг(а), дети.

Отказ от социализма произошёл в СССР, в целом, быстро и бескровно. Большинство россиян видело в социализме с его государственным доминированием в основополагающих областях жизнедеятельности, с тотальным планированием, которое по определению не может с должной полнотой учесть потребности населения, с отсутствием рыночной конкуренции, частной инициативы и предпринимательства главную причину экономической недостаточности, хронических дефицитов товаров широкого потребления, качественных продуктов питания, разобщённости с остальным миром, исповедующим многообразные формы индивидуализма.

И в этом отказе от коммунального проживания с союзными республиками большинство россиян оказались солидарными с осуществившими «развод» либералами у власти. Не терпелось наиболее активным нашим соотечественникам не в первый раз «начать сначала». Не столь радикально, как предлагал гимн рабочего класса: «Весь Мир насилья мы разрушим // До основания, а затем // Мы наш, мы новый // Мир построим...», но всё же с основательной приборкой в доме.

Кто только не упрекал русичей в короткой исторической памяти. Однако, эта особенность национальной ментальности помогла самым социально активным из них быстрее и без чрезмерных потерь адаптироваться к произошедшим в новой России переменам. В частности, отказаться от идеологических догм, о чём свидетельствует, в том числе, и необычайная, по сравнению с иными странами, популярность в России статьи американского социолога и политолога Ф. Фукуямы «Конец истории?». Популярности, скорее всего, из-за содержащейся в ней сентенции: «<...> в конце истории нет никакой необходимости, чтобы либеральными были все общества, достаточно чтобы были забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития» [12, с. 114].

Это прямое обращение к России и Китаю; другие страны ко времени написания статьи уже отказались не только от лишь присущих им экономических и идеологических принципов, но полностью или в существенной мере – от своего суверенитета.

Чтобы образовавшуюся в интеллектуально-нравственной ипостаси русичей прореху после их отказа от прежних постулатов не затянуло ряской ущербной второстепенности, предполагалось, что освободившуюся нишу займёт религия. Своя, традиционная для каждого этнического сообщества, многообразием форм предполагающая благое разнообразие содержания и невозможность какого-либо доминирования.

Актуальность обрело высказывание святителя Н. Сербского: «Ложные теории о Боге неминуемо влекут за собой ложные научные, ложные политические и ложные общественные теории» [13]. В 2005 г. один из лидеров русского консервативного традиционализма писатель С. Лыкошин поспешил возвестить: «В нынешней замороженной политикой и телепропагандой России, уже подавляющее большинство осознало себя верующим и созидующим страну единым народом» [14, с. 61]. Увы, воистину, поспешил...

Вместе с тем (вернёмся к магистральной теме статьи), отказ от господствующей идеологии, не только публично заявленный политическим классом, но и прописанный в Конституции новой России, сделал бессмысленным традиционное диссидентство с его пугливым и выборочным протестом, с унылой lamentацией, с маниловщиной вместо научной футурологии.

Но породил его новые формы. В частности, протест как бизнес. При щедрой оплате заказчиками протестных акций, всегда найдутся желающие заказ исполнить. В случае чего: «Запад нам поможет». Так проходили протестные акции на Болотной площади в Москве (2011–2013), не санкционированные властями подобные акции в защиту блогера Навального (2021).

Что ждёт диссидентское движение России в ближайшем будущем и перспективе? Сохранится ли оно как таковое или растворится в новых формах организованного и спонтанного политического протеста? Что последует за выступлениями covid-диссидентов? Пригодится ли их опыт (в первую очередь, французских «жёлтых жилетов») уличной толпе в российских городах, профессиональным протестантам в СМИ, парламентских структурах, других общественных объединениях, в межпартийной конкуренции и т.п.?

Поживём – увидим...

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М. : Индрик, 2003. С. 73–99.
2. Отмена крепостного права: историческая правда России от РВИО // История.РФ [Федеральный портал истории России]. 08.09.2013. URL: <https://histrf.ru/read/articles/otmienna-krepostnogo-prava-event> (дата обращения 19.07.2021).
3. Окуджава, Б. Путешествие дилетантов: из записок отставного поручика Амираана Амилахарию. М., Современник, 1990. 494 с. ISBN 5-270-01091-7.
4. Ленин, В. И. Памяти Герцена (1912) // Полное собрание сочинений, 5-е изд., Т. 21. М. : Политиздат, 1968.
5. Гудков, Л. Д., Дубин, Б. В. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. Москва – Харьков : «Эпицентр», «Фолио», 1995. 189 с.
6. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3-х томах / под ред. М. Грин. Frankfurt am Main : Посев. 1977–1982.
7. Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development // UNDP. URL: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1990> (last request 28.07.2021).
8. Гарькин, И. Н., Королёва Л. А. Историческая обстановка развития диссидентства в СССР в период «застоя» // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 7 (39). С. 122–126.
9. Земцов, И. Г. Крах эпохи: в 2х кн. М. : Наука, 1999. Кн. 1. 398 с. ISBN 5-02-008317-8.
10. Ахметова, М. В. Из чего рождается «Большой секрет для маленькой компании» (о реминисценциях в одном советском мультфильме) // Детские чтения. 2017. Т. 11, № 1. С. 201–213.
11. Попов, В. Довлатов. Биография. М. : Молодая Гвардия, 2010. 307 с. ISBN 978-5-235-03408-2.
12. Фукуяма, Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

13. Святитель *Николай Сербский*. Мысли о добре и зле. Минск : Изд-во Д. Харченко, 2014. 240 с. ISBN: 978-985-545-086-4.

14. *Лыкошин, С. А.* Меридиан консерватизма или поле традиционализма: заметки из политической тетради. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : ИХТИОС, 2005. 64 с.

Дата поступления в редакцию: 16.08.2021.

Принята к печати: 10.09.2021.

Сведения об авторе:

Голубицкий Юрий Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела теории и методологии социологии знания, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: golub9900@mail.ru

Author ID РИНЦ: 565192

Y. A. Golubitskiy¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

A COOK MUST NOT BE BOHED IN HIS OWN SOUP...

PART 3. FREEDOM AS A PHENOMENON OF THE RUSSIAN SOCIAL LIFE, ITS PRICE IN THE TRANSFORMATION OF POLITICAL AND SOCIAL PROTEST

Abstract. This article completes the series of publications, which explores the political and social phenomenon of the Russian dissent during his three-century history. It shows that the processes akin to convergence of the power and its opponents, primarily from intelligentsia, have first become apparent in the time of the Thaw and led to the mitigation of the confrontation between the power and dissenters. It has happened since this confrontation was caused not by ontological cruelty and psychopathology of people in law-enforcement bodies, but by century-long uncompromising class struggle in the Russian Empire and the USSR. The collapse of the Soviet Union and the rejection of socialism have happened in the end of 20th century overall dynamically and bloodlessly. The majority of the Russians saw in socialism with the domination of the State in the major fields of activity the main cause of the degradation of economy, underdevelopment of social sphere, dissociation with the rest of the world professing different forms of individualism. The rejection of a dominant ideology fixed in the Constitution of the New Russia, active inculcation of individual and corporative entrepreneurship has made the traditional dissent senseless, but have given rise to its new forms; dissent as business, in particular.

Placidity in relation to disappearance “forever” of the “power-dissenters” confrontation has proved to be premature. In the future we have very likely to expect hot political discussions in the Internet and in power-controlled form in traditional media, but, in the main, young-people street protests. The goal of these coordinated and spontaneous actions – to take hold of information and power resources for the realization of no longer national but individual or corporative interests.

Keywords: dissenters, protest, Internet, socialism, individualism, dissociation, ideology, institutionalization, human rights activists, corporativism, convergence, business.

For citation: Golubitskiy Y.A (2021) A cook must not be bohed in his own soup... : Part 3. Freedom as a phenomenon of the Russian social life, its price in the transformation of political and social protest. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 3. P. 69–84. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.7

References

1. Arutyunova N. D. (2003) Will and freedom. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Kosmos y khaos [Logical analysis of language. Space and Chaos]*. M. : Indric Publ. P. 73–99 (in Russ.).
2. *Otmena krepostnogo prava: istoricheskaya pravda Rossii ot RVIO*. Istoriya.RF [Federal'nyi portal istorii Rossii]. 08.09.2013. URL: <https://histrf.ru/read/articles/otmienna-krepostnogo-prava-event> (last request 19.07.2021) (in Russ.).
3. Okudzava B. (1990) *Puteshestvie diletantov: iz zapisok otstavnogo poruchika Amirana Amilakhariyu [The Journey of the Dilettantes: From the Notes of Retired Lieutenant Amiran Amilakhariya]*. M.: Sovremennik. 494 p. ISBN 5-270-01091-7 (in Russ.).
4. Lenin V. I. (1968) *In memory of Herzen* (1912). In: *Polnoe sobranie sochinenii* (5-oe izd.) Vol. 21. M. : Politizdat. 671 p. (In Russ.).
5. Gudkov L. D., Dubin B. V. (1995) *Intelligentsiya: Zametki o literaturno-politicheskikh illuziyakh [The Intelligentsia: Notes on Literary and Political Illusions]*. M. – Kharkiv : Ehpitsentr Publ., Folio Publ. 189 p. (In Russ.).
6. *Ustami Buninykh. Dnevnik Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy [As spoken by the Bunins: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials]* : in 3 volumes. Ed. by M. Greene. Frankfurt am Main : Posev Publ., 1977–1982 (in Russ.).
7. *Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development*. UNDP. URL: <https://u.to/7GqhGw> (last request 28.07.2021) (in Eng.).
8. Garkin I. N., Koroleva L. A. (2014) Historical situation of development of a recusancy in the USSR in the period of «stagnation». *Modern scientific researches and innovations*. No 7 (39). P. 122–126 (in Russ.).
9. Zemtsov I. G. (1999) *Crash of the epoch* : in 2 Vol. M. : Nauka Publ. Vol. 1. 398 p. ISBN 5-02-008317-8 (in Russ.).
10. Akhmetova M.V. (2017) “Where ‘The Big Secret for a Small Company’ Arises from (about Reminiscences in One Soviet Cartoon). *Children’s Readings: Studies in Children’s Literature*. Vol. 11. No 1. P. 201–213 (in Russ.).
11. Popov V. (2010) *Dovlatov. Biography*. M.: Molodaya Gvardiya. 307 p. ISBN 978-5-235-03408-2 (in Russ.).
12. Fukuyama F. (1990) The end of history? *Voprosy filosofii*. No 3. P. 134–148 (in Russ.).
13. Sviatitel Nikolay Serbskiy. (2014) *Mysli o dobre i zle*. Minsk : D. Kharchenko Publ. 240 p. ISBN: 978-985-545-086-4 (in Russ.).
14. Lykoshin S. A. (2005) *Meridian konservatizma ili pole traditsionalizma : Zametki iz politicheskoy tetradi. [Meridian of Conservatism or the Field of Traditionalism: Notes from Political Notebook.]* M, IKHTIOS Publ. 64 p. (In Russ.).

The article was submitted on August 16, 2021.

Accepted on September 10, 2021.

Information about the author:

Yuri A. Golubitsky, Candidate of Sociology, Senior Researcher.
 Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
 e-mail: golub9900@mail.ru